

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

Июль — Август 2011

Учредитель: Фонд «Литературная критика»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ 0110692 от 24 мая 1993 г.

Главный редактор
И. О. ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

К. М. Азадовский, А. Д. Алехин, Н. А. Анастасьев,
С. Г. Бочаров, Г. С. Кнабе, Г. Г. Красухин,
Ю. В. Манн, В. Л. Махлин, Б. М. Сарнов,
Е. Ю. Сидоров, А. М. Турков, К. Эмерсон

РЕДАКЦИЯ:

Н. Н. Юргенева (отдел русской классической литературы),
Т. В. Еремеева (редактор),
Е. М. Луценко (отдел библиографии),
Е. А. Погорелая (отдел современной литературы),
Ратькина Т. Э. (заведующая редакцией),

И. Ю. Ковалева (директор)

СОДЕРЖАНИЕ

Литературное сегодня

- 9 **И. ШАЙТАНОВ.** И все-таки — двадцать первый... *Поэзия в ситуации после-пост-модерна*

Лица современной литературы

- 44 **К. КОМАРОВ.** Рассеивание волшебства. *Александр Кушнер*
56 **Н. ЧЕРНЫХ.** Открытая система. *Владимир Строчков*
75 **Е. ИВАНОВА.** Преодоление квадрата. *Иван Жданов*

История русской литературы

Поэтика жанра

- 92 **В. ЗУБАРЕВА.** Чехов — основатель комедии нового типа

Как писать историю русской литературы

- 124 **Е. ПОГОРЕЛАЯ.** О забытой недотыкомке

Над строками одного произведения

- 139 **В. ЩУКИН.** С чего начинается Лев Толстой? *Размышления над первыми страницами «Детства»*

Век минувший

- 183 **М. МИХЕЕВ.** О «новой» прозе Варлама Шаламова

Синтез искусств

- 215 **Е. ЛУЦЕНКО.** «Зимний путь» Мюллера-Шуберта в личном деле Сергея Заяицкого

Сравнительная поэтика

Современные проблемы компаративистики

- 235** Круглый стол. Обсуждение доклада М. Андреева «Сравнительный метод в контексте исторической поэтики»
- 252** **Н. ГРИНЦЕР.** Компаративистика и антиковедение
- 275** **А. МАХОВ.** «Историческая топка»: раздел риторики или область компаративистики?
- 290** **А. ЖЕРЕБИН.** Цитата Михайлова из Курциуса и ее обратный перевод
- 302** **Е. ДМИТРИЕВА.** Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность?

Зарубежная литература

Современные имена

- 314** **В. ШЕРВАШИДЗЕ, Ж. СИАРИ.** Феномен Паскаля Киньяра

История идей

- 341** **В. КАНТОР.** К. Леонтьев: Христианство без надежды, или Трагическое чувство бытия

Публикации. Воспоминания. Сообщения

- 398** К истории «ссоры» Максимилиана Волошина и Ильи Эренбурга в 1920 году. Подгот. текста, публ. и примеч. И. Левичева
- 407** **Н. БОГДАНОВ.** Несобранные письма Михаила Булгакова

Филология в лицах

- 423** **Б. КАГАНОВИЧ.** Андре Жид и Федор Розенберг. *История дружбы*

Заметки. Реплики. Отклики

- 480** **В. ЕСИПОВ.** К истории создания сонета «Поэту». *Уточнение датировки*

Книжный разворот

- 486** Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре. Век XIX (А. ЯМПОЛЬСКАЯ); Русский круг Гофмана (Е. ДМИТРИЕВА); Ursula Keller, Natalja Sharan-dak. Sofja Andrejewna Tolstaja. Ein Leben an der Seite Tolstojs; Sofja Tolstaja. Lied ohne Worte. Roman (М. ПАЩЕНКО); Андрей Белый в меняющемся мире. К 125-летию со дня рождения (Д. БАБИЧ); Е. Л. Немировский. Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание (М. ЕЛИФЁРОВА)
-

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Учебник для школы или для вуза — самый нужный и едва ли не самый безнадежный жанр. Мечты об учебниках нового поколения, о которых так много говорят, все не сбываются. Журнал «Вопросы литературы», поддержанный грантом Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, начинает свой проект в сфере издания университетской книги. На основе публикаций последних лет и вслед нашим обычным рубрикам мы составляем книги, которые заполняют существующие лакуны по всем основным литературным курсам учебного процесса. В них самые известные ученые обсуждают современные подходы, произведения классической и новейшей литературы, насущные проблемы. В 2011 году выйдут первые три тома новой серии:

«ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ»,
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПАРАТИВИСТИКИ»,
«ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XIX ВЕКА».

Оформить подписку на новую серию можно одновременно с подпиской на журнал в агентствах печати и в редакции нашего журнала.

**Выражаем благодарность за финансовую поддержку,
которую оказывают журналу Министерство культуры РФ и
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.**

История идей

Владимир КАНТОР

К. ЛЕОНТЬЕВ: ХРИСТИАНСТВО БЕЗ НАДЕЖДЫ, ИЛИ ТРАГИЧЕСКОЕ ЧУВСТВО БЫТИЯ*

Чтобы всерьез рассуждать о Леонтьеве, необходимо вполне ясно осознать цельность его мировоззрения, его верность одной идее, точнее, одному экзистенциальному переживанию мира, из которого выходили все его идеи. Слишком много писали и пишут о его непримиримых противоречиях, забывая, что если бы не было цельности, то не было бы и явления. Цельность Леонтьева при кажущихся нестыковках в его взглядах, которые вполне объяснимы, очевидна, если мы правильно сложим пазл.

Говорят, что лучше чувствует движение времени человек, ощущающий себя не во вчерашнем дне, а в позавче-

* Индивидуальный исследовательский проект В. К. Кантора, профессора философского факультета ГУ-ВШЭ № 10-01-0033 «Крушение кумиров: критический пафос русской философии» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

рашнем. Исторически Леонтьев — это персонаж екатерининского времени, да и его идея византизма вполне корреспондирует с византийским проектом Екатерины, а нравственная распущенность его молодости напоминает екатерининских вельмож. Пушкин, «певец империи и свободы» (Г. Федотов) показал силу личности, верной долгу и империи, противостоящей стихии крестьянского бунта. Его Гринев — это тот идеальный подданный России, каким мог бы быть в те времена Леонтьев. Судьба уготовала ему другой путь. Но верность имперскому пафосу он пронес через всю жизнь.

В России XIX века среди ее великих людей, всерьез принявших христианство и переживших это приятие на очень глубинном личностном уровне, я бы выделил три гигантских фигуры. Это Ф. Достоевский, Вл. Соловьев и К. Леонтьев. Все они прошли через юношеский период сомнений, неприятия или равнодушия к христианству, все они пришли к исповеданию веры, как когда-то отцы Церкви и прежде всего Августин, написавший «Исповедь» о своих терзаниях и метаниях. Августин, кстати, более других западных отцов Церкви повлиял на этих великих мыслителей России. Любопытна не только склонность каждого из этих мыслителей к исповедальной тематике, но и бесконечное свойство все метания своей души переносить на бумагу. Все их творчество вполне можно поставить на уровень великой средневековой патристики. Они были весьма разные, следившие внимательно друг за другом, общавшиеся, порой неприязненно, но понимая уровень друг друга.

Существенно еще отметить, что были они не просто мыслители, но и писатели. О Достоевском, величайшем романисте нового времени, вроде бы замечание нелепое, хотя тоже не всеми он приемлется. А при его жизни людей, принимавших его творчество, и вовсе были десятки, максимум сотни. Успех его был несравним с Львом Толстым, которого он сейчас вполне затмевает. Соловьев принимается чаще как родоначальник символизма в поэзии, а не самобытный поэт.

Что уж говорить о Леонтьеве! Неслучайно В. Розанов причислил его к литературным изгнанникам. А между тем он был большим писателем, и вслушивание, вчувствование в мир у него было на уровне писательско-эмоциональном. Романист, не имевший успеха из-за своей оригинальности: основная тема его прозы — вопросы отношений мужчины и женщины, правда, вне социальных проблем — секс и воспитание чувств. По словам С. Булгакова; «кто хочет узнать подлинного Леонтьева, должен пережить чары и отраву его беллетристики и через нее увидеть автора»¹. Я бы привел еще одно высказывание, хотя страшно перегружать цитатами не очень большую статью, но она просится, ибо Леонтьев-прозаик фигура малоизвестная. А оценка Розанова немаловажна для привлечения внимания: «Много лет не читав беллетристики и как-то, за исключением великих мастеров, не уважая ее, я так и не попросил у Леонтьева его повестей, думая, что это нечто “средненькое”. И никогда не искал с ними знакомства, пока случайно, года два назад, не наткнулся на них, в старинном издании, чуть ли не шестидесятых годов. Но едва я начал их читать, как поразился красотой и художественной верностью живописи»². Ситуация меняется, но до сих пор подробного исследования художественного творчества Леонтьева так и не случилось.

Леонтьев был человек, писавший непрерывно, заносивший все свои переживания и события личной жизни на бумагу, превращая их то в романы и рассказы, то в исповеди и мемуары, то в философскую публицистику. Причем острота его мысли была такова, что сиюминутная

¹ Булгаков С. Н. Победитель — Побежденный (Судьба К. Н. Леонтьева) // Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 84.

² Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым // Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 335.

публицистическая статья, как правило, наполнялась весьма глубоким философским содержанием. Но прежде чем перейти к анализу его социокультурной позиции, остановлюсь на одном художественном тексте, где пафос мировосприятия Леонтьева особенно ясен. Я имею в виду его роман «Исповедь мужа», опубликованный в «Отечественных записках» (1867, № 7) под заглавием «Ай-Бурун». Откликов в печати не было. Но Леонтьев, видимо, придавал этому тексту значение. Он сам перевел его на французский и отправил французский вариант Просперу Мериме. Тому роман не понравился, о чем он прямо написал автору. Леонтьев обиделся, хотел отправить резкое письмо, но так этого и не сделал, письмо осталось в его бумагах³. Уже много лет спустя исследователи высоко оценили роман: «По четкости композиции, по напряженности действия “Исповедь мужа” — наиболее совершенное художественное произведение Леонтьева»⁴.

Роман этот чем-то напоминает «Поленьку Сакс» А. Дружинина — о воспитании женщины любящим ее мужчиной. (Глухо звучит и тема Лопухова и Веры Павловны из романа «Что делать?», где герой воспитывает жену, а потом как бы кончает с собой, чтобы сделать ее свободной.) Но уже там прозвучала едва ли не главная его тема — о трагичности бытия, о том, что счастье никому на земле не обещано. Герой, которому перевалило за сорок, считает себя слишком старым, чтобы составить счастье молодой девушки. Еще до встречи с Лизой (*Лизин текст*, с бедной Лизы — трагическая героиня) он рассуждает:

³ См. их переписку в: *Леонтьев Константин*. Избранные письма. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 47–50.

⁴ *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. Кн. 2. СПб.: РХГИ, 1995. С. 327.

Конечно, я бы мог жениться. Не далее, как в Ялте есть молодая девушка. Я очень люблю, когда она в розовом холстинковом платье качается на большом кресле. Она небогата; русская; глаза у нее игривые, темные; щеки нежные и румяные; стройна; к музыке способна; умна. В комнатах у них много цветов; почти под окнами кипит море; чай она делает прекрасно, масло свежее; мебель скромная. Раз кто-то играл на гармонии, а солнце садилось за горами; она качалась, а я смотрел на нее — и думал... Я выходил от них не раз умиленным и возвращался с радостью. Так мирно и сладко у них! Дочь шьет, мать шьет, отец вздыхает; часы, и те без звука идут и бьют глухо... Какая она хозяйка! Как шьет все сама! Какие дельные книги читает и как мила, кудрява, молода!.. Но у них много родных, и все недалеко отсюда. Я перестал ездить. Да и стар я и душою и на лицо; жаль губить девушку; жаль соблазнять садом, кипарисами, мраморными ступеньками, коврами. И не достало бы у меня никогда жестокости оторвать ее от родных и друзей, — так пусть хоть достанет твердости удалиться.

Но на Лизе он женится с тем, чтобы она стала обеспеченной материально и, развиваясь свободно, нашла молодого и красивого мужчину себе по сердцу и была с ним счастлива. И она находит смазливого грека, ездит с ним по Италии. Он начинает ее бить, это она еще переносит, но когда возникают измены, она умоляет мужа принять ее назад. Ее возлюбленный все же везет ее назад, но пароход попадает в бурю, Лиза тонет. И тут только герой понимает постигшую его катастрофу. Нельзя человеку пытаться на Земле устроить чье-то счастье. Нельзя человеку выполнять роль Провидения! Все получается прямо наоборот тому, что человек хотел. Конечно, стоит следовать велениям сердца, но катастрофа неизбежна. Повесть кончается воплем героя: «О, Лиза! Где ты? Где твои руки, твои глаза, твой голос? О, Лиза, дочь, отрада моя, ненаглядная! Лиза, Лиза моя! О, мое сокровище!». После чего герой застреливается. Всерьез, не как Лопухов, а скорее как юный Вертер.

Ю. Иваск пишет, что «эта драма — явление необычное в леонтьевском мире»⁵. Но, на мой взгляд, именно в этой лучшей своей вещи Леонтьев абсолютно адекватно выразил свое мирозерцание. Его катастрофический взгляд на мир как не обеспеченный никакими защитами здесь абсолютно ясен. Вообще-то публика не любит трагических эндшпилей, когда в конце сюжета все уходит, как в трагедиях Шекспира, «унося трупы». Лучше и на душе спокойнее, когда Гринев остается в живых, а Маша Миронова выхлопывает ему помилование у императрицы, а Пьер Безухов женится на Наташе Ростовой — так даже великие исторические трагедии перестают быть страшными. К Гете, Шекспиру и Достоевскому критика и литературоведение приучили публику — трагизм им прощается. Тип леонтьевского трагизма не был воспринят⁶.

* * *

Этот трагизм, все-таки возможный в повести, еще страннее гляделся в его историософских трактатах и не принимался издателями и публикой. Великий трактат «Византизм и славянство» был написан в конце 60-х. Рукопись читалась Катковым, читалась в славянофильских салонах, была отмечена свежесть и самостоятельность, но

⁵ Иваск Ю. П. Указ. изд. С. 327.

⁶ Стоит привести хотя бы в сноске замечание тонкого и глубоко-го вроде бы критика Русского Зарубежья: «Леонтьев, даже как художник, искал черных оттенков с примесью красного цвета, — цвета огня и крови <...> Если вовлечься в спор, хотелось бы сказать, что в целом зайцевская концепция чище леонтьевской, пусть и уступая ей в оригинальности и силе. Достоевский-то во всяком случае был за Зосимой, а не за Ферапонтом, и надо иметь такую фантастически сложную, истерзанную психику, как у Леонтьева, чтобы искать света в проклятьях и анафемах вместо любви» (*Адамович Г. В.* Борис Зайцев // *Адамович Г. В.* Одиночество и свобода. СПб.: Алетейя, 2002. С. 198).

ни одно консервативное издание текст так и не напечатало. Опубликован он был лишь в 1875 году в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете» славистом Осипом Максимовичем Бодянским, секретарем Московского общества истории и древностей Российских. То есть злободневный трактат попал абсолютно не в свою среду. Ушла надежда о влиянии на общество как мыслителя. Леонтьев не был оценен при жизни ни как писатель, ни как мыслитель. Розанов писал:

Известно, что в жизни (и в истории) большую роль играют так называемые *нечаянности*. Природа (творческие ее силы) любит как бы *удивить* человека, видеть его *удивленное* лицо. Поэтому чего мы особенно сильно *ожидаем* или *желаем*, очень часто, до странности часто, *не исполняется*. Л-в, во-первых, имел право на огромное влияние и, вероятно, первые годы, не сомневаясь, *ждал* его, а потом с каждым годом все мучительнее желал — и тоже *ждал*. Может быть, в истории литературы это было единственное *по напряженности ожидания успеха*, и природа, так сказать, скучая произвести до утомительности подготовленный факт, просто ленилась подойти к этому колодезю ожидания и положить цветок в давно протянутую руку⁷.

Но можно сказать и иначе: Леонтьеву повезло, что он не был востребован при жизни. Его слово не было затуманено славословиями.

В 1883 году Леонтьев знакомится с Владимиром Соловьевым, идеи которого произвели на него большое впечатление, он даже принимал его идею примирения с католицизмом. Стоит привести слова Соловьева о Леонтьеве, написанные им в некрологе: «Его имя останется в умст-

⁷ Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым. С. 332.

венной истории России»⁸. Как понятно из фактов, если отбросить мифы о Леонтьеве, именно Соловьев был тем мыслителем, который вызывал его наибольший интерес, кем восхищался, с кем соглашался и спорил. Легенда о влиянии на Леонтьева Данилевского все же не совсем справедлива, действительные взаимоотношения их миропониманий много сложнее и не столь идилличны. Впрочем, об этом чуть дальше.

Но сам Леонтьев понимал свое значение и свою не востребованность. И от этого чувствовал себя, как и его герой из повести, на грани самоубийства. Поэтому подлинность его слова была невероятна: все, что он делал и писал, он писал как бы на краю смерти: «С нынешней весны я стал *понимать* самоубийство. — Я знаю, что я *по страху Божию* никогда не решусь на него. — Но только по страху Божию... А сама *жизнь*, с нынешней весны особенно, стала так бессмысленна и пуста, что ее бы самое, такую подлую и *без смирения униженную жизнь* — что бы ее жалеть? Так, какая-то скотская привычка!»⁹. А такое самоощущение невольно придает и остроту, и горечь написанным словам. В 1878 году в своей «Исповеди» он писал: «Ужасно то, что нынешний год в первый раз мне начала приходить мысль, что именно с тех пор как я *обратился* (с 1871 года), все мирские дела мои пришли в упадок. — *С тех пор как я стал Православным, я нигде себе места не найду*»¹⁰. И речь не о воображаемых бедах. 47-летний Леонтьев пишет, как может писать впавший в нищету старик. С 1887 года живет в Оптиной пустыни, в своем домике. 23 августа 1891 года в Предтечевом скиту

⁸ Соловьев В. С. Памяти К. Н. Леонтьева // Соловьев В. С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 9. СПб.: б.г. С. 401.

⁹ Леонтьев К. Н. Моя исповедь // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 тт. Т. 6. Кн. первая. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 249.

¹⁰ Там же. С. 228.

Оптиной пустыни Леонтьев принял тайный постриг с именем Климента. По совету старца Амвросия покинул Оптину пустынь и переехал в Сергиев Посад. 12 ноября 1891 года скончался от пневмонии и был похоронен в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры близ храма Черниговской Божьей Матери.

По словам П. Струве, «Леонтьев — самый острый ум, рожденный русской культурой в XIX в.»¹¹. Почему же его не принимали? А как могло быть иначе? Не было ни одного института или понятия, на которое он не взглянул с точки зрения заложенного в основах бытия катастрофизма и беспомощности людей перед Роком. Он был, пожалуй, единственным в России мыслителем, чувствовавшим трагическое движение времени. Не случайно Мандельштам, самый историософский русский поэт советской эпохи, берет Леонтьева в союзники, чтобы сказать о холоде и ужасе наступившего столетия:

Если мне померещился Константин Леонтьев, орущий извозчика на снежной улице Васильевского острова, то лишь потому, что из всех русских писателей он более других склонен орудовать глыбами времени. Он чувствует столетия, как погоду, и покрывает на них.

Ему бы крикнуть: «Эх, хороший славный у нас век!» — вроде как: «Сухой выдался денек!» Да не тут-то было! Язык липнет к гортани. Стужа обжигает горло, и хозяйский окрик по столетию замерзает столбиком ртути¹².

Посмотрим на основные понятия, отстаивавшиеся Леонтьевым, которые были в центре обсуждения русской мысли.

¹¹ Струве П. Б. Константин Леонтьев // Струве П. Б. *Patriotica*: Россия. Родина. Чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 245.

¹² Мандельштам О. Шум времени // Мандельштам О. Собр. соч. в 4 тт. Т. 2. М.: Арт-бизнес, 1993. С. 391—392.

Как и Соловьев, все свое творчество Леонтьев посвятил борьбе с кумирами, которым поклонялось русское общество. Он пытался разломать броню прогрессистского благодушия, навеянного позитивизмом, преданностью существующему порядку вещей, эгалитарному прогрессу, разрушить преклонение перед славянством как таковым, утвердить и объяснить величие дела Петра Первого, издевался над существующей в общественном сознании нечувствительностью к потоку изменений, которое несет время. Он был пророк, которого, как и положено, не желали слушать. Его называли реакционером, когда он провидел в грядущем путь к антихристову миру. Его тщетная попытка напугать обывателя тем, что изменения не всегда к лучшему, принесла ему прозвище реакционера. Сам он иронизировал: «О моем влиянии на реакционные реформы? Разве метеоролог, верно *предсказывающий* погоду, имеет на нее сам влияние?»¹³. Из самых главных его пророчеств трудно выделить наиважнейшие. Но я все же попробую.

Во-первых, это, конечно, преодоление мифов под названием Россия и Европа. Речь, разумеется, прежде всего именно о мифах, окутывающих реальность великих культур. Непредвзятому читателю бросается в глаза страстная критика Леонтьевым как русской (в целом), так и западной (современной ему) культуры. Причем критика России по резкости равна, быть может, только Чаадаеву, да редким, но чрезвычайно жестким инвективам Хомякова.

Во-вторых, это миф национальности, в котором он ощущал великую опасность, ибо этот путь вел к национализму, способствовавшему разложению великой империи.

В-третьих, это миф народа, в котором он видел не богоносца, а малообразованное крестьянство, своим невежеством вполне бессознательно сдерживающее разлагающее

¹³ Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым. С. 356.

влияние радикальных движений. Но лишь в той мере, в какой оно религиозно. Он писал: «Смирение перед народом для отдающего себе ясный отчет в своих чувствах есть не что иное, как *смирение перед тою самою Церковью*»¹⁴.

Европа и Россия

Разумеется, Леонтьев не мог миновать темы, которая определяла самодвижение русской мысли, начиная с 40-х годов XIX века. Это тема отношения России к Европе. Начиная со славянофилов и Герцена и кончая трактатом Данилевского «Россия и Европа», русские мыслители словно бились в заколдованном этом кругу, будто не было иных философских тем. Данилевского часто называли предшественником, едва ли не духовным учителем Леонтьева. Одним из первых это произнес П. Милюков: «То, что Леонтьев считает научным обоснованием своей теории, сводится к воспроизведению некоторых частей теории Данилевского»¹⁵. Это положение сегодня стало общим местом и давно перекочевало в учебники по истории русской философии. Но приличие требует ссылку не на учебник, а на недавний текст современного исследователя: «Идеи Данилевского послужили мощным стимулом развития историософской мысли и публицистической деятельности К. Н. Леонтьева»¹⁶. Стимулом? Пожалуй, так можно сказать, но стимул все же не означает следования по пятам. Порой это резкий спор.

¹⁴ *Леонтьев К. Н.* О всемирной любви, по поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М.: Книга, 1990. С. 28–29.

¹⁵ Там же. С. 282.

¹⁶ *Котельников В. А.* «Что есть истина?» (Литературные версии критического идеализма). СПб.: Пушкинский дом, 2010. С. 298.

Разумеется, эти характеристики не случайны и опираются на слова самого Леонтьева. Говоря о политике, Леонтьев ключом к ее пониманию считает книгу Данилевского: «Я должен здесь сказать, что главным основанием этих мыслей служила мне книга г. Данилевского “Россия и Европа”. Г. Данилевский, по справедливому замечанию г. Страхова, первый обратил внимание на эту смену культурных типов или стилей»¹⁷. Но, как говорил немецкий архитектор Людвиг Мис ван дер Роэ, «Бог кроется в деталях».

Поразительное дело: опираясь на общие его положения, Леонтьев не только строит свою концепцию, но и постоянно противоречит Данилевскому в оценке реального движения русской истории и культуры. Неслучайно Сергей Трубецкой писал, что Леонтьев отнюдь не уступал «Данилевскому в таланте. Нам кажется, напротив, что он был значительно оригинальнее»¹⁸. Это сказывается в понимании им исторических структур человечества и, прежде всего, места России в «общем порядке мира» (П. Чаадаев). Скажем, Данилевский считал развитие русской культуры абсолютно самобытным: «Не вправе ли мы после этого утверждать, что русский народ и русское общество во всех слоях своих способно принять и выдержать всякую дозу свободы, что советовать ограничить ее можно только в видах отстранения самосозданных болезненным воображением опасностей или (что еще хуже) под влиянием каких-нибудь затаенных, недобросовестных побуждений и враждебных России стремлений?»¹⁹. И далее со-

¹⁷ Леонтьев К. Н. Письма о Восточных делах // Леонтьев К. Н. Указ. изд. Т. 8. Кн. первая. С. 84.

¹⁸ Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // К. Н. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 1. С. 123.

¹⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.: Издание Н. Страхова, 1889. С. 537.

всем твердо: «Русский народ одарен замечательным политическим смыслом»²⁰.

А Леонтьев утверждал прямо противоположное, что весь свой политический смысл и ум Россия взяла у Византии:

Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на Великокняжеском знамени верующие войска Дмитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь!²¹

Возможно, не без влияния Леонтьева упрекал Соловьев Данилевского²², что тот в своем трактате недооценил влияние одной культуры на другую, в частности, не осознал важности византийского наследия в русской истории:

Более интересен вопрос об отношении нашей славяно-русской культуры к греко-византийской. Вот два совершенно различных культурно-исторических типа, а между тем сам

²⁰ Данилевский Н. Я. Указ соч. С. 537.

²¹ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Указ. изд. Т. 7. Кн. первая. С. 323.

²² Во всяком случае, в статье «О народности и народных делах в России», опубликованной в сборнике «Национальный вопрос в России» перед тем текстом, где он полемизирует с Данилевским, Соловьев весьма заинтересованно сослался на трактат Леонтьева: «Религиозная и церковная идея должна первенствовать над племенными и народными стремлениями. Наиболее резкое выражение этой истины можно найти в сочинениях талантливого и оригинального автора книги “Византизм и славянство” К. Н. Леонтьева» (Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. // Соловьев В. С. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 284).

Данилевский должен, наконец, прямо признать, что один из них передал другому не внешний только материал культуры, не «почвенное удобрение», а самые высшие образовательные начала его исторической жизни. Станным образом наш автор, по-видимому, вовсе не заметил рокового значения этого факта для его воззрения. Заявивши, что Россия и славянство суть наследники Византии, так же как Романо-германские народы — наследники Рима, он даже не делает попытки как-нибудь объяснить, со своей точки зрения, эту передачу духовного наследия, эту общность просветительных начал, прямо противоречащую «3-му закону исторического развития». Этот закон требует, чтобы каждый культурно-исторический тип вырабатывал из себя и для себя образовательные начала своей цивилизации²³.

Надо сказать, о Константинополе мечтали политики, Екатерина Великая даже имела проект о создании «Великой Греко-Российской Восточной Державы», которую она прочила своему внуку Константину. При Екатерине сквозь Византию разглядели античную Грецию — родоначальницу европейской культуры. Данилевский писал о необходимости сделать Константинополь столицей всеславянского союза. Константинополь был для него, как и русских дипломатов, лишь политическим фактором. Однако понимания влияния этой культуры на мир у него не было. Замечу, что и Соловьев чуть позже увидел в византизме только яркое проявление цезарепапизма (статья 1896 года «Византизм и Россия»). Поэтому стоит подчеркнуть, что лишь Леонтьев, который жил в этом городе, сам все видел и оценил, по-новому подойдя и к взаимоотношению со славянством, понял Византию как некую *великую культуросозидательную идею*. Он хотел, конечно, чтобы Царьград был завоеван, но, прежде всего,

²³ Соловьев В. С. Россия и Европа // Указ. соч. С. 372—373.

для решения культурных задач. В письме кн. Е. А. Гагариной от 24 апреля 1889 года Леонтьев писал: «Молюсь о том, чтобы Господь позволил мне дожить до присоединения Царьграда. А все остальное приложится само собой!»²⁴ Остальное — это культурная сила России. Этот дипломат по своему пафосу был все же философ культуры, а не политик. Он понимал смысл выражения «гений места». Гений места, гений европейской Ойкумены, достался туркам, которые тем самым вошли в самое сердце Европы, присвоив последний и важнейший оплот античного европеизма. Вхождение России в Константинополь казалось ему возвратом к великому европейскому прошлому, отрицающему современное турецко-европейское мещанство.

Еще характерная деталь, разводящая его с Данилевским. Данилевский видит в романе «Война и мир» выражение борьбы народного духа с Западом, борьбы самостоятельной, эпической:

Русская литература представляет пример и другого высокого эпического произведения, это «Война и мир» графа Л. Толстого. В нем исторический фон картины не служит только сценою для развития интриги романа, а, напротив того, как в настоящей эпопее, события и выразившиеся в них силы и особенности народного духа составляют главное содержание произведения <...> «Война и мир» есть эпическое воспроизведение борьбы России с Наполеоном <...> Произведение графа Л. Толстого и колоссальный успех его принадлежат к знаменательнейшим признакам времени, ибо они доказывают, что мы способны еще к эпическому пониманию нашего прошедшего, что оно способно восторгать нас, что мы,

²⁴ *Леонтьев Константин*. Избранные письма. СПб.: Пушкинский дом, 1993. С. 441.

в сущности, лучше, чем мы кажемся. Пусть укажут нам на подобное произведение в любой европейской литературе!²⁵

Надо сказать, что Лев Толстой был близок к Данилевскому еще своей германофобией²⁶. Позиция Леонтьева иная, ксенофобией, европобоязнью он не страдал. В 1880 году написал под присмотром Оптинского старца Амвросия и напечатал текст об иеромонахе Оптиной пустыни: «Православный немец. Отец Климент Зедергольм», из которого Катковым были выброшены фразы «в пользу Вселенской Патриархии». Заметим, что как символ подлинного русского православия он выбрал именно немца. Вспомним также, что в молодости Леонтьев написал повесть «Немцы», 1852 год (опубликована под заглавием «Благодарность», 1854), где немец — положительный герой. Стоит добавить, что он очень высоко ценил немецкую эстетику, пришедшую в Россию в 40-е годы, противопоставляя ее высоким идеям приземленность и бытовизм, *неидеальность* толстовского творчества.

Если говорить о неприятии Леонтьевым позиции толстовского романа (статья «Анализ, стиль и веяние»), достаточно напомнить его ироническую фразу:

Позволю себе вообразить, что Дантес промахнулся и что Пушкин написал в 40-х годах большой роман о 12-м годе. Так ли бы он его написал, как Толстой? *Нет, не так!* <...> Пушкин не стал бы даже (вероятно) называть от себя бегущих в каретах и шубах маршалов и генералов французских «злыми и ничтожными людьми, которые наделали множество зла...»,

²⁵ Данилевский Н. Я. Указ. изд. С. 549—550.

²⁶ См. об этом мою статью: Кантор В. Лев Толстой: искушение *неисторией* // Вопросы литературы. 2000. № 4. Этот текст вошел также в две мои книги: «Русский европеец как явление культуры» (М.: РОССПЭН, 2001) и «Русская классика, или Бытие России» (М.: РОССПЭН, 2005).

как в «душе» не называли их, *наверное*, в 12 году те самые герои-русские, которые гнали их из Москвы и бранили их по страсти, а не по скучно-моральной философии. Тогда воинственность была в моде, и люди образованные были прямее и откровеннее в рыцарском мировоззрении своем²⁷.

Но и в самой победе, вопреки Данилевскому, он видит не пафос самобытности русского народа, а великое византийское влияние, воспитавшее Россию:

Церковное же чувство и покорность властям (византийская выправка) спасли нас и в 12-м году. Известно, что многие крестьяне наши (конечно, не все, а застигнутые врасплох нашествием) обрели в себе мало чисто национального чувства в первую минуту. Они грабили помещичьи усадьбы, бунтовали против дворян, брали от французов деньги. Духовенство, дворянство и купечество вели себя иначе. Но как только увидели люди, что французы обдирают иконы и ставят в наших храмах лошадей, так народ ожесточился, и все приняло иной оборот²⁸.

Вообще, и его, и Вл. Соловьева Толстой раздражал как истинный враг христианства и человеческого бытия. Как и Соловьев в «Трех разговорах», он провидел в нем существо, пролагающее пути антихристу. В статье, где он говорит о приходе антихриста, он поминает и Толстого: «И старый безумец Лев Толстой продолжает безнаказанно и беспрепятственно проповедовать, что Бога нет, что всякое государство есть зло и, наконец, что пора прекратить существование самого рода человеческого <...> И он не

²⁷ *Леонтьев К. Н.* Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого. Критический этюд // Вопросы литературы. 1989. № 1. С. 233–234.

²⁸ Там же. С. 324.

только жив и свободен, но и мы сами все, враги его бредней, увеличиваем его преступную славу, возражая ему!..»²⁹.

При полном неприятии Льва Толстого он чувствовал интеллектуально-духовную близость к Соловьеву, считая его абсолютным гением, испытывая восторг от его текстов. Как замечал в своей фундаментальной книге о русском богословии Флоровский: «Для Леонтьева очень характерно, что с “Теократией” Влад. Соловьева он готов был и хотел бы согласиться, очень хотел бы себя открыто объявить его учеником, и к католицизму его влекло»³⁰. В письме А. Александрову (от 5 февраля 1888-го года), за три года до смерти, уже после своей статьи «Владимир

²⁹ *Леонтьев К. Н.* Над могилой Пазухина // *Леонтьев К. Н.* Указ. изд. Т. 8. Кн. первая. С. 445. Стоит привести отрывок из его письма Розанову, где он иронически рассуждает о противоречии слова и реального поведения великого писателя: «Вы к Льву Толстому *как проповеднику* слишком добры. Он хуже *преступных* нигилистов. Те идут сами на виселицу, а он — блажит, “катаясь, как сыр в масле”. Удивляюсь, почему его не сошлют в Соловки или еще куда. Бог с ней, с той “искренностью”, которая безжалостно и бесстыдно убивает “святыню” у слабых! Он *верит*, правда, слепо в одно: в *важность собственных чувств и стремлений* и нагло, меняя их, как башмаки, беспрестанно, знать не хочет, каково будет их влияние! У него же самого *истинной*-то любви к людям и тени нет. У меня самого и у многих других были с ним сношения по делам самого *неотложного* благотворения, и я, и все другие вынесли из его наглых бесед по этому поводу самые печальные впечатления. “Человек вторую неделю с семей *корками* питается”, — говорю я ему. — “Наше назначение не кухмистерское какое-то”, — отвечает он (*при Влад. Соловьеве*); дело шло о *чтении* в пользу этой несчастной семьи. Он отказался, и мы с Соловьевым и без него добыли около 200 руб. Прошу вас верить, что *личные* мои сношения с ним ничуть не располагают меня быть против него. Он, например, за глаза всегда меня хвалит и предпочитает многим другим писателям» (Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым // Указ. изд. С. 359).

³⁰ *Флоровский Георгий.* Пути русского богословия. Вильнюс: Вильгис, 1991. С. 302.

Соловьев против Данилевского» он советовал: «Познакомьтесь с Владимиром Соловьевым и <...> говорите с ним откровенно о Ваших сомнениях, о Толстом и т. д. Это человек благороднейший, в области мышления гениальнее Толстого, отличаясь от него, как небо от земли»³¹. Более того, сам Леонтьев полагал, что и Соловьев понимает его. Он делился с Розановым (27 мая 1891 года): «Соловьев лично очень дружит со мной и любит меня. Он к тому же очень сочувствует тому, что я религию ставлю выше национализма»³².

Книгу Данилевского называли Библией, а иногда Кораном (Соловьев) славянофильства. Как же позиционировал себя Леонтьев по отношению к славянофильским идеям? Назвать его правоверным славянофилом невозможно. Даже С. Трубецкой, отмечая его близость к славянофилам, дал классическое определение: «Леонтьев — разочарованный славянофил, пессимист славянофильства»³³. Еще более категоричен друг его последних лет Василий Розанов: «По существу он, как не имел предшественников (*все* славянофилы не суть его предшественники), так и не имел школы»³⁴.

Но это и сохранило его оригинальность. Самые плохие книги пишутся для поклонников. Так что в каком-то смысле хорошо, что слава пришла после смерти. Но посмертная слава не отменяет прижизненной малоизвестности. А погруженный в неизвестность мыслитель не является общественной силой. В 1905 году были написаны слова:

³¹ Леонтьев Константин. Избранные письма. С. 342.

³² Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым. С. 359.

³³ Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // К. Н. Леонтьев: Pro et contra. Кн. 1. С. 123.

³⁴ Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым. С. 322.

Был у нас в публицистике еще блестящий ум, не признанный при жизни, почти забытый по смерти, а между тем обладавший несравненно более философской складкой, нежели другие по преимуществу практические умы, касавшиеся монархической идеи. Я говорю о Константине Николаевиче Леонтьеве <...> Борясь против славянофильства, Леонтьев доказывал неопределенность и малоподвижность славянского гения и настаивал на том, что Россия всем своим развитием обязана не славянству, а византинизму, который усвоила и несколько дополнила³⁵.

Вспомним негативное отношение славянофилов к Петру. Оно, разумеется, имело градации, в разные годы было неоднозначным, но сошлюсь на слова И. Аксакова, самого влиятельного славянофильского публициста тех лет: «Петр презрел все законы органического развития»³⁶. У Леонтьева видим прямо противоположное понимание Преобразователя. Накануне революций (всего за 50 лет) он увидел идущую гибель империи, и понял: ее спасет не материальная сила, а идея. Леонтьев весьма ценил петровскую реформу, видя в ней «нашу эпоху Возрождения». От нее начался расцвет России. Однако, на его

³⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: РОССПЭН, 2010. С. 345.

³⁶ Аксаков И. С. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В. С. Соловьева // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 836. Интересно, что Аксаков не принял и не понял леонтьевского трактата «Византизм и славянство», увидев в нем лишь защиту греческой церкви от болгарской. Скорее всего, вкуса к метафизическим обобщениям у Аксакова не было. Рассказ о беседе с Аксаковым по поводу своей книги Леонтьев резюмирует так: «А Иван Аксаков... я не знаю, как сказать... Странно бы такого человека назвать *глупым*, — однако я не нахожу другого слова... Просто перейдя за известную черту, — он становится глуп» (Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. 1874—1875 года // Леонтьев К. Н. Указ. изд. Т. 6. Кн. первая. С. 111).

взгляд, в XIX веке петровская идея европеизма (западного европеизма) терпит крах. Прежде всего, потому, что наступил кризис Европы, которая все дальше уходит от средневекового и возрожденческого христианства и в которой очевидно вступление на мировую арену истории того человека, что потом будет назван человеком «массового общества». И Леонтьеву показалось, что, может, византизм спасет Россию. Он писал: «*Начинается разложение Петровской России по последним европейским образцам <...>* Цареградская Русь освежит Московскую, ибо Московская Русь вышла из Цареграда»³⁷.

Его любовь к Византии — это любовь к европейской прививке, более древней, нежели прививка петровская. Стоит сослаться на наблюдение Булгакова: «Леонтьев весь в Европе и об Европе: для славянского мира он знает лишь слова разъедающей критики и презрения, и даже Россия как таковая для него ценна лишь постольку, поскольку хранит и содержит религиозно-культурное наследие византизма, да есть еще оплот спасительной реакции, сама же она обречена оставаться в состоянии ученичества и пассивного усвоения. А византизм есть, конечно, лишь более раннее лицо Европы же»³⁸. Эти слова суть просто краткое резюме идей Леонтьева, разбросанных в разных его текстах. Византизм — это сохранившаяся в эпоху всеобщего распада подлинная Римская империя, поэтому ее влияние было продуктивно и для Западной, и для Восточной Европы:

Обломки византизма, рассеянные турецкой грозой на Запад и на Север, упали на две различные почвы. На Западе все свое, романо-германское, было уже и без того в цвету, было уже развито, роскошно, подготовлено; новое сближение с Ви-

³⁷ Леонтьев К. Н. Письма о Восточных делах. С. 89.

³⁸ Булгаков С. Н. Победитель — Побежденный (Судьба К. Н. Леонтьева). С. 84.

зантией и через ее посредство с античным миром привело медленно Европу к той блистательной эпохе, которую при- выкли звать Возрождением, но которую лучше бы звать эпохой *сложного цветения* Запада; ибо такая эпоха, подобная Возрождению, была у всех государств и во всех культурах, эпоха *многообразного и глубокого развития, объединенного в высшем духовном и государственном единстве всего или частей* <...> Соприкасаясь с Россией в XV веке и позднее, византизм находил еще бесцветность и простоту, бедность, неприготовленность. Поэтому он глубоко переродиться у нас не мог, как на Западе, он всосался у нас общими чертами своими чище и беспрепятственнее.

Нашу эпоху Возрождения, наш XV век, начало нашего более сложного и органического цветения, наше, так сказать, единство в многообразии, надо искать в XVII веке, во время Петра I или, по крайней мере, первые проблески при жизни его отца³⁹.

От слов Леонтьева об эпохе Петра как нашем Возрождении легче перейти к тому неожиданно позитивному, что обыденный рассудок обычно осуждает, но что виделось Леонтьеву благом:

До Петра было больше однообразия в социальной, бытовой картине нашей, больше *сходства* в частях; с Петра началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов. Петр, как известно, утвердил еще более и крепостничество. Дворянство наше, поставленное между активным влиянием царизма и пассивным влиянием подвластных крестьянских миров (ассоциаций), начало расти умом и властью <...> Осталось только явиться Екатерине II, чтобы обнаружилось и досуг, и вкус, и умственное торжество, и более идеальные чувст-

³⁹ *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. С. 303.

ва в общественной жизни. Деспотизм Петра был прогрессивный и аристократический, в смысле вышеизложенного расчленения общества. Либерализм Екатерины имел решительно тот же характер. Она вела Россию к цветению, к творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вот в чем главная ее заслуга. <...> С ее времени дворянство стало несколько независимее от государства, но по-прежнему оно преобладало и господствовало над другими классами нации. Оно еще более выдвинулось, выяснилось, индивидуализировалось и вступило в тот период, когда из него постепенно вышли Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Гоголь и т. п.⁴⁰

Отметим важнейшее отличие Леонтьева от славянофилов: как Тютчев, как Соловьев непризнанный мыслитель был государственный.

Россия и главная идея Леонтьева

Чем же сильно государство? Конечно, материальными силами, войском, прежде всего. Прошедший Крымскую кампанию как врач, Леонтьев весьма ценил воинственность, даже графа Вронского из «Анны Карениной» оправдывал, ставя выше графа Толстого, его создателя, потому что Вронский настоящий военный. Но сильнее всего держит единство государства — *идея*. Россия, по Леонтьеву, сильна византийской идеей. Без нее она идет к разложению: «Я, признаюсь, за последние годы совершенно разочаровался в моей отчизне и вижу, напротив, какую-то дряхлость ума и сердца... не столько в отдельных лицах, сколько в том, что зовут Россия. Чтобы она немного помолодела... боюсь сказать... что нужно... быть может, целый период внешних войн и кровопролитий

⁴⁰ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 320—321.

вроде 30-летней войны или, по крайней мере, эпохи Наполеона 1-го»⁴¹.

Он многое предчувствовал, не предсказывал, а именно предчувствовал. Об этом слова знаменитого монархиста Льва Тихомирова: «Как в Византии думали только о том, чтобы по возможности “сохранить” остатки Римского достоинства, а, если возможно, то прибавить к ним что-нибудь и из утраченного, так, мне кажется, и для России Леонтьев видел возможность лишь строжайше консервативной политики. Он выражал большие сомнения в молодости России, сильно полагал, что она уже дошла до предельного развития, начала склоняться к дряхлости, когда приходится думать не о развитии сил, а только о том, чтобы поменьше их тратить, помедленнее идти к неизбежному концу. С такими предчувствиями, конечно, не может быть охоты к разработке “конституции” хиреющей страны и монархии, и если бы он дожил до наших дней (1905 г.), то, конечно, признал бы в России все признаки разложения, а не развития. Может быть, он был бы и прав»⁴².

Но, конечно, такая позиция не дело реального политика, который должен верить в свою страну и в ее политическую будущность.

Леонтьев же очень трезво и жестко видел конечность всех исторических событий, явлений, конструкций. Поразительно, что мыслитель, которого без конца именуют то фанатиком, то изувером православия, вовсе не сомневался в том, что и это прейдет:

Хотя Православие для меня самого есть Вечная Истина, но все-таки в земном смысле оно и в России может иссякнуть. — *Истинная Церковь будет и там, где останется три че-*

⁴¹ *Леонтьев К. Н.* Моя литературная судьба. 1874–1875 года. С. 78.

⁴² *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. С. 348.

ловека. — Церковь Вечна, но *Россия* не вечна и, лишившись Православия, она погибнет⁴³.

Все это простой вывод его главной идеи. Леонтьев не верил в либерально-демократический прогресс. Говорил, что он невозможен и приведет к катастрофе. Писал о холере всеобщего равенства и демократии. Причем это не было простой публицистикой, все это базировалось на определенном философском понимании им исторического процесса. И его историософская идея была весьма продуктивна:

Что бы *развитое* мы ни взяли, болезни ли (органический сложный и единый процесс) или живое, цветущее тело (сложный и единый организм), мы увидим одно, что разложению и *смерти второго* (организма) и *уничтожению первой* (процесса) предшествуют явления: упрощение составных частей, *уменьшение числа признаков, ослабление единства*, силы и вместе с тем *смешение*. Все постепенно *понижается, мешается, сливается*, а потом уже распадается и гибнет, переходит в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее⁴⁴.

И вывод: «Тому же закону подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира. И у них очень ясны эти три периода: 1) *первичной простоты*, 2) *цветущей сложности* и 3) *вторичного смесительного упрощения*⁴⁵.

Вторичное смесительное упрощение, как мы видим столетие спустя, это наступление массового общества, в котором мы живем и которому по мере сил то противостояем, то к нему приспособляемся.

⁴³ Леонтьев К. Н. Моя исповедь // Леонтьев К. Н. Указ. изд. Т. 6. Кн. первая. С. 233.

⁴⁴ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. С. 377.

⁴⁵ Там же. С. 382.

В прошлом России он видит идею великой византийской империи и рожденную в ее недрах православную идею, которые и структурировали косную материю. Без Византии, помимо Византии, точнее сказать, без *идеи византизма*, Россия не состоялась бы, без нее она рассыплется. Ибо, по Леонтьеву, сама Россия не родила ни одной культурно-созидательной идеи:

Разве решено, *что именно* предстоит России в будущем? Разве есть положительные доказательства, что мы молоды?

Иные находят, что наше сравнительное умственное бесплодие в прошедшем может служить доказательством нашей незрелости или молодости.

Но так ли это? Тысячелетняя бедность творческого духа еще не ручательство за будущие богатые плоды⁴⁶.

Надо сказать, именно Европу он видел образцом, в сущности соглашаясь с идеей единой Европы, которая близка была и Соловьеву:

Европейское наследство вечно и до того богато, до того высоко, что история еще ничего не представляла подобного.

Но вопрос вот в чем: если в эпоху современного, позднего плодоношения своего европейские Государства сольются действительно в какую-нибудь федеративную, грубо рабочую Республику, не будем ли мы иметь право назвать этот исход падением прежней европейской государственности?

И он отвечает на это с верой в европейское будущее:

И, наконец, как бы то ни было, на розовой ли воде ученых съездов или на крови выросла бы эта новая республика, во всяком случае Франция, Германия, Италия, Испания и т. д.

⁴⁶ *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. С. 440.

падут: они станут областями нового государства, как для Италии стали областями прежний Пиемонт, Тоскана, Рим, Неаполь, как для все-Германии стали областями теперь Гессен, Ганновер и самая Пруссия; они станут для все-Европы тем, что для Франции стали давно Бургундия, Бретань!..⁴⁷

Так оно и происходит на наших глазах.

Не меньше, чем за Россию, он боялся за Европу. Он боялся мещанства, которое помешает суровой и великой реальности Европы и России. Его поэтому пугало надвигавшееся на Россию, которая может Европу спасти, европейское мещанское начало. Поразительным образом он боялся, что радикализм русской интеллигенции приведет ее к мещанству. Ну, допустим, интеллигенция подвержена разным опасностям, ну а народ, зато народ! А что такое народ для Леонтьева?

Народ и проблема национального

Народ он принимал, как и Достоевский, не за то, что это *русский* народ, а как носителя идеи (так ему казалось) православия и византизма. Он писал:

В чем же смиряться перед простым народом, скажите? Уважать его телесный труд? Нет; всякий знает, что не об этом речь: это само собою разумеется и это умели понимать и прежде даже многие из рабовладельцев наших. Подражать его нравственным качествам? Есть, конечно, очень хорошие. Но не думаю, чтобы семейные, общественные и вообще *личные*, в тесном смысле, качества наших простолюдинов были бы все уж так достойны подражания. Едва ли нужно подражать их сухости в обращении со страдальцами и больными, их неми-

⁴⁷ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 433—434.

лосердной жестокости в гневе, их пьянству, расположению столь многих из них к постоянному лукавству и даже воровству... Конечно, не с этой стороны советуют нам перед ним «смиряться». Надо учиться у него «смиряться» *умственно, философски смиряться, понять*, что в его *мировоззрении больше истины*, чем в нашем...⁴⁸.

Для него православие выше национальности. И к русским в этом смысле он относился более, чем скептически: «Православные греки, православные турки, православные черкесы, православные немцы, даже искренне православные евреи — все будет лучше этой скверной славянской отрицательной крови, умеренной и средней во всем, кроме пьянства и малодушия! — писал он в 1890 году И. Фуделю. — Люблю Россию как государство, как глубокое православие, как природу даже и как красную рубашку... Но за последние годы как племя решительно начинаю своих ненавидеть»⁴⁹. У Леонтьева очевидное мировоззрение державника. Он и не скрывал этого:

Для существования славян необходима мощь России.

Для силы России необходим византизм.

Тот, кто потрясает авторитет византизма, подкапывается, сам, быть может, и не понимая того, под основы русского государства⁵⁰.

Византизм — это единство сильной церкви и сильного государства. Если народ державник, это надо приветствовать, тогда и смиряться... Если же этого нет, то опора может быть только на высшие сословия.

⁴⁸ Леонтьев К. Н. О всемирной любви... С. 28–29.

⁴⁹ Леонтьев Константин. Избранные письма. С. 497.

⁵⁰ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. С. 351.

В какой-то момент в своей пророческой статье он вообще отрицает единение Царя и народа:

Для того же, чтобы эта Царская власть была *долго сильна*, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но — напротив того — необходимо, чтобы между этими толпами и Престолом Царским возвышались *прочные сословные ступени*, необходимы *боковые опоры* для здания долговечного Монархизма⁵¹.

Достоевский не раз говорил о единстве царя и народа, что царь должен бы пригласить для совета «серые зипуны». Но это в публицистике, а в гениальных художественных прозрениях говорил нечто иное. Именно в оценке дворянства как высшего цвета русской культуры парадоксальным образом сошлись Достоевский и Леонтьев, два православных мыслителя, во многом другом явные антагонисты. По поводу «Подростка» Леонтьев пишет: «И вот этот-то “народник” православного стиля, этот всеми инстинктами своими столь *русский* человек, в заключение романа, исполненного дворянских слабостей и глупостей, дворянского беспутства и дворянской непрактичности, дворянской “психопатии”, наконец, — говорит, что *дворянство нужно* и что только у одних дворян в России есть *чувство чести*.

Вот что мне дорого!»⁵²

И Леонтьев резюмирует: «Нужен для России особый высший класс — людей. А кто говорит *особый* класс, этим самым говорит, что необходимы такие или иные *юридиче-*

⁵¹ Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина. С. 454.

⁵² Леонтьев К. Н. Достоевский о русском дворянстве // Указ. изд. Т. 8. Кн. первая. С. 480.

ские ограды <...> Нужны *привилегии*, необходимы и особые права на власть. Достоевский был славянофил, но он был человек жизни, а не теории»⁵³. Если же учесть, что практически все русское дворянство имело своими предками выходцев из иных земель, то понятно, как Леонтьев мог относиться к идее чистой нации.

Леонтьева очень часто одни обвиняют, другие восхваляют за проповедь национализма. Не будем искать апологетов, это далеко нас заведет, но вот и спокойный Милюков писал о Леонтьеве: «Национальность, — отдельная национальность, сама по себе взятая и служащая сама себе целью, — составляет *исключительный* предмет его теоретических рассуждений»⁵⁴.

Что же писал сам Леонтьев? А вот что:

Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь, с одной стороны, ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови. <...> Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувствами. <...> Идея национальностей чисто племенных в том виде, в каком она является в XIX веке, есть идея, в сущности, вполне космополитическая, антигосударственная, противорелигиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego»⁵⁵.

⁵³ Леонтьев К. Н. Достоевский о русском дворянстве. С. 481.

⁵⁴ Милюков П. Н. Разложение славянофильства // Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. СПб.: Типография Монтевида, 1903. С. 282.

⁵⁵ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. С. 333.

Когда И. Аксаков сказал ему, что Византия заботилась о племенах, Леонтьев возразил, что «именно *племенного* начала в Византии и не заметно; все племена без различия сливались в одной идее, в Православии»⁵⁶.

Следовательно, *идея византизма*, создающая мощное государство, великую империю, есть то, что спасет Россию. Сошлемся на Бердяева:

Он верил не в Россию и не в русский народ, а в византийские начала, церковные и государственные. Если он верил в какую-нибудь миссию, то в миссию византизма, а не России. И миссия эта была мировая. Византизм — мировое, а не национальное начало. Националистического партикуляризма у Леонтьева нет. Без организующего и оформляющего действия мировых византийских начал русский народ — ничтожный и дрянной народ. В русский народ К. Леонтьев не верил, не верил с самого начала. Он относился в высшей степени подозрительно ко всякой народной стихии. Народная стихия есть лишь материал, который должен обрабатываться не народом, а универсальными началами, великой идеей. *Важна не народ, а великая идея, которая владеет народом.* Церковные и государственные начала для К. Н. выше национальных. Это совсем не славянофильская постановка проблемы⁵⁷.

Леонтьев полагал, что если Россию удастся подморозить, если византизм удержит ее от всевропейского распада, когда на историческую сцену выходит человек массы, если имперское самодержавие окажется сильнее племенной политики Европы, то тогда появляется шанс.

⁵⁶ *Леонтьев К. Н.* Моя литературная судьба. 1874—1875 года. С. 98.

⁵⁷ *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // Н. Бердяев о русской философии. Ч. 1. Свердловск: Изд. Урал. ун-та, 1991. С. 238.

Шанс на что? Ради чего Россия должна противостоять омещанивающейся на глазах Европе⁵⁸, где наступающее массовое общество, стремящееся к эвдемонизму, не желает никаких высоких идей, где мещанский художественный ширпотреб вытеснил великое европейское искусство? Ответ удивителен:

Хотим ли мы, по идеалу наших нигилистов, найти наше призвание в передовой разрушительной роли, опередить всех и все на поприще животного космополитизма; или мы предпочитаем по-человечески служить идеям организующим, дисциплинирующим — идеям, вне нашего субъективного удовольствия стоящим, объективным идеям государства, Церкви, живого добра и поэзии; предпочитаем ли мы, наконец, нашу собственную целость и силу, чтобы обратить эту силу, когда ударит понятный всем страшный и великий час, на службу лучшим и благороднейшим началам европейской жизни, на службу этой самой великой, *старой* Европе, которой мы столько обязаны и которой хорошо бы заплатить добром? И в том и в другом случае надо понять хорошо все окружающее нас⁵⁹.

Неплохо бы вспомнить и мысль Соловьева о задаче русского самодержавия, которое должно было осуществить идеалы всемирной теократии. На мой взгляд, леонтьевская переключка с идеей всемирной теократии задолго

⁵⁸ «Несмотря на византизм, ему чужда была та идея, что истинна и высока лишь цивилизация, основанная на православии, и низка и ложна цивилизация, основанная на католичестве. Никогда не восставал он против аристократизма Западной Европы, против ее рыцарства, как восставали славянофилы. Он ненавидел лишь современную, либерально-эгалитарную Европу, лишь торжество мещанства. Это совершенно другая постановка вопроса, чем у славянофилов» (Бердяев Н. А. Константин Леонтьев // Указ. изд. С. 238).

⁵⁹ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. С. 372.

до появления об этом работ великого мыслителя говорит, что в этой идее общество нуждалось. И любопытно, как Леонтьев во многом предсказал теократию Соловьева, при этом на дух не принимавшего византизма. Но с этими мыслями он не мог бы не согласиться: «С воцарением Христианских Императоров к этим новым чиновническим властям прибавилось еще другое, несравненно более сильное средство общественной дисциплины — власть Церкви, власть и привилегия епископов. Этого орудия Древний Рим не имел; у него не было такого сильного жреческого привилегированного сословия. У христианской Византии явилось это новое и чрезвычайно спасительное орудие дисциплины»⁶⁰. В сущности, здесь сформулирована соловьевская идея единства мощной царской власти с могучим религиозным началом. В каком-то смысле его идея Вселенской Патриархии была близка идее Всемирной теократии Соловьева. Общее выше частного, или, если перевести в юридическую плоскость эту мысль, то, как полагал Монтескье, международное право должно определять политическое и гражданское. Как пишет современный исследователь: «Рисуя возвращение России к византийским истокам, он расширил русскую картину мира до всечеловеческих пределов и жестко акцентировал в ней вертикальную композицию. Над массовой жизнью с ее прозаическими интересами и желаниями, над жизнью современного общества с его демократическими требованиями пользы и справедливости возвышаются Государство и Церковь с их твердой дисциплиной, дающей жизни совершенные формы, с их военной и религиозной героикой, воплощающей высшие эстетические идеалы, без которых история теряет смысл, бытие разлагается и превращается в конце концов в неорганическую материю»⁶¹.

⁶⁰ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. С. 307–308.

⁶¹ Котельников В. А. «Что есть истина?» С. 298–299.

Прививка против будущих катастроф

В мирном, мещанском XIX веке, в эпоху прогресса, он заговорил о непрочности человеческого бытия:

Космополитизм православия имеет такой предмет в живой личности распятого Иисуса. Вера в божественность Распятого при Понтийском Пилате Назарянина, который учил, что на земле все неверно и все неважно, все недолговечно, а действительность и веко-вечность настанут после гибели земли и всего живущего на ней, — вот та *осязательно-мистическая* точка опоры, на которой вращался и вращается до сих пор исполинский рычаг христианской проповеди. Не полное и повсеместное торжество любви и всеобщей правды на *этой* земле обещают нам Христос и его апостолы, а, напротив того, нечто вроде кажущейся *неудачи* евангельской проповеди на земном шаре, ибо *близость конца* должна совпасть с последними попытками сделать всех хорошими христианами...⁶²

Милюков посмеивался над его пророчествами:

Он беспокойно мечется от научных доказательств к наблюдениям жизни — и везде находит неопровержимые доказательства всемирного пожара. Потушить его нет возможности, и Леонтьев зовет сограждан спасать свое имущество <...> Призывы писателя становятся какими-то дикими воплями ужаса и отчаяния... А вокруг него жизнь идет своим чередом; все остается спокойно и тихо; пожара никто не хочет заметить. В старые времена одинокий мыслитель попал бы в пролоки, а от неблагодарных современников он рискует получить кличку помешанного⁶³.

⁶² Леонтьев К. Н. О всемирной любви... С. 13.

⁶³ Милюков П. Н. Разложение славянофильства. С. 282.

Удивительная нечуткость у историка Милоюкова к движению истории. Люди во все времена хотели жить спокойно и не слушать грозивших им карами за недостойное поведение посланцев Бога. Пророков во все времена называли помешанными и побивали камнями. Но уже после октябрьской катастрофы его предчувствия стали внятны, словно написанные в прописях. Бердяев замечал:

К. Леонтьев пророчески чувствовал, что надвигается мировая социальная революция. В этом он резко отличается от славянофилов, у которых не было никаких катастрофических предчувствий. Он с большой остротой сознавал, что старый мир, в котором было много красоты, величия, святости и гениальности, разрушается. И этот процесс разрушения представлялся ему неотвратимым. В Европе не может уже быть остановлен процесс упростибельного смешения. Вся надежда была на Россию и на Восток. Под конец и эту надежду он потерял. «Когда-нибудь погибнуть нужно; от гибели и разрушения не уйдет никакой земной общественный организм, ни государственный, ни культурный, ни религиозный». К. Н. любил «роковое», и в действии «роковых сил» он видел больше эстетики, чем в сознательных человеческих действиях⁶⁴

Зато Струве вовсе не интересовался психологическими состояниями леонтьевских надежд, упований, разочарований. Он подошел к Леонтьеву как политический прагматик:

Из философии силы и государства, из ясного понимания лестничного строения человечества и иерархического развертывания истории не вытекает никаких конкретных политических выводов и никаких определенных исторических предви-

⁶⁴ Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. С. 206.

дений. Непонимание этого составляет ту «ошибку короткого замыкания» (посылок и выводов), о которой я уже говорил и в которую часто впадал и Леонтьев. Из того, что абсолютное всеобщее равенство невозможно и бессмысленно, не вытекает вовсе никаких выводов о формах относительного равенства. Поэтому, будучи настоящим учителем и для нашего времени в отношении метафизики и мистики общественного бытия, Леонтьев не может быть таковым в отношении конкретной политики и развертывающейся на наших глазах живой истории. Успехи «демократии» не опровергают философских идей Леонтьева, и успехи «фашизма» их не подтверждают. Историческая и политическая философия и не отливает пуль ни в каком смысле, и не изготавливает политических фейерверков⁶⁵.

Любопытно, что Струве, увидев в реальности то, о чем предупреждал, о чем кричал постоянно Леонтьев, не понял одинокого мыслителя. Как политик Струве полагал, что от политического мыслителя зависит общественное устройство (хотя сам оказался тоже неудачником), а вот, мол, Леонтьев не стал учителем в области конкретной политики, хотя стал учителем в понимании метафизики общественного развития. Но Леонтьев и не стремился быть школьным учителем, он все же не учил, а пророчествовал, а пророчества — суть всего лишь указания, до чего может докатиться общество, идя определенным путем. Конкретных выводов и нельзя делать из его идей, можно только поражаться его прогностической силе, удивляться, что реальность отлилась по набросанным им контурно угрозам.

Самое главное — он словно учил будущих пореволюционных изгнанников из страны, что нельзя ждать от бытия счастливого быта, что жизнь трагична, что на этом стоит идея христианства — и вечно гонимого Христа, и предвещавшего его Иова. Интересно, что единственный

⁶⁵ Струве П. Б. Константин Леонтьев. С. 247.

человек из русских писателей, который осмелился себя сравнить с Иовом, был Леонтьев:

Недавно я прочел по-русски *книгу Иова*. Старые друзья Иова стараются доказать ему, что он великий грешник, что Бог по делам его наказывает его. Иов негодует; он не может постичь и вспомнить, какие были те большие грехи его, за которые он несет такое ужасное наказание... Он, может быть, даже желал найти, вспомнить их, раскаяться... и не находит. Он старался быть добрым отцом, господином справедливым и милостивым, он помогал вдове, сироте и страннику... Он непоколебимо верит в Бога и надеется, любит его... «Нет! он никогда не поймет, *за что* его так казнит Провидение...»

Встает молодой Эллиуй и говорит ему с воодушевлением: «Да, ты может быть и праведен... Но *где ж тебе... тебе, смертному, постичь цели Божиим*... Почему ты знаешь, зачем Он так мучит тебя... Разве ты можешь считаться с Ним?!»

На это у Иова нет ответа...

И не успел кончить молодой и восторженный мудрец, как сам Иегова вещает с небес *то же самое*. Мнение Эллиуя было гласом Божиим. «Иов прав, — заключает Господь, — но мне угодно было испытать его».

Основная мысль этой великой религиозной поэмы — *вечная* истина и не для одной религии. Есть на всех поприщах *вины явные*, и есть *вины и ошибки непостижимые* самому строгому разбору, самой придирчивой совести...⁶⁶

Поразительно, что в рассказе о своей судьбе он сравнивает себя с библейским страдальцем, ставя на материале своей судьбы ту же проблему, которую поставила перед человечеством «Книга Иова». Бердяев спрашивал: «Был ли К. Леонтьев мистиком? Я думаю, что нет, если употреблять слово это в строгом смысле <...> Самая ре-

⁶⁶ *Леонтьев К. Н.* Моя литературная судьба. 1874—1875 года. С. 123—124.

лигиозность его имеет ветхозаветную окраску. Но элементы ветхозаветные в христианстве — наименее мистические»⁶⁷. Как и Достоевский, он был близок к ветхозаветному пророчеству⁶⁸.

Решая проблему теодицеи, Леонтьев считал, что Иов получил свое испытание для его же блага. Но в русской мысли это соображение после революции было подвергнуто сомнению. В марте 1923 года Булгаков записывал в Дневник:

За это время получили письма из Крыма. Вопли и стенания. Бабушка мечется и умирает от тоски по нас и не может умереть. Невольно думаешь, за что же, почему на изнемогшие старческие плечи лег такой тяжелый крест и она должна уходить из мира в таком мраке? Нет и не может быть человеческого ответа, вечно повторяющаяся трагедия Иова, без идиллического примиряющего конца (который меня всегда шокирует в св. книге, приписано для профанов, готов сказать почти: для пошляков: хочешь во что бы то ни стало благополучного конца, вопиешь, а весь смысл и величие трагедии Иова в ее неразрешимости: да и молчаливая ирония скользит в эпилоге св. книги: новые жены и дети, как будто их можно переменить, как стада, или забыть?)⁶⁹.

Пережить почти невозможно, но неизбывная беда человеческого бытия как раз в том, что человек и это переживает. «И это пройдет», как писал премудрый Соломон. Но все-таки человеку свойственна попытка преодолеть

⁶⁷ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 281.

⁶⁸ См. мою работу «Достоевский как ветхозаветный пророк» в книге: Кантор Владимир. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. Очерки. М.: РОССПЭН, 2010.

⁶⁹ Булгаков С. Н. Из «Дневника» // Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 379.

хотя бы трагизм быта, понимая, что трагизм бытия преодолеть ему не дано.

Что такое эстетизм Леонтьева?

Читая его тексты, почему-то многие исследователи видели в них своего рода жажду катастроф, как у Ницше, даже пропаганду эстетики насилия. Вот что пишут современные исследователи: «В Леонтьеве без всякого опосредования уживаются два крайних, несовместимых полюса: эстетический аморализм, с одной стороны, и строгий церковный аскетический идеал православного монашества»⁷⁰. Сближая Леонтьева с Ницше, даже произнося русскому мыслителю суровый приговор («В эстетизме Леонтьева присутствует что-то садистское»⁷¹), П. Гайденко забывает основную составляющую мирозерцания Леонтьева — его христианский трагизм. А этим он сближается все же не с Ницше, а с С. Киркегором, о котором Гайденко написала замечательную книгу «Трагедия эстетизма. О мирозерцании Сёрена Киркегора». Сама тема страха, смертельной болезни, которая привела Леонтьева к Церкви, абсолютно внятно прописана Киркегором, для которого эстетизм лишь общий всем этаж сознания. А страх спасает человека через веру. Думаю, Леонтьев подписался бы под словами датского мыслителя: «Христианин — единственный, кто знает, что такое смертельная болезнь. Он черпает из христианства храбрость, которой так недостает естественному человеку, — храбрость, полу-

⁷⁰ *Гайденко П. П.* Утрата середины. Эстетический аморализм и аскетическое православие Константина Леонтьева // *Гайденко П. П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 162.

⁷¹ Там же. С. 207.

чаемую вместе со страхом от крайней степени ужасного»⁷².

К тому же не надо путать эротический опыт Леонтьева, который он осудил и преодолел, и его идеи. В идеях он ни разу не призывал к эстетическому аморализму, выступая просто против ханжества моралистов, осуждавших поэтов за их не очень целомудренную жизнь. Он понимал, что поэзия растет из невероятного «сора». Понятно, что нынешние исследователи, в сущности, повторяют отношение русских философов, растерявшихся перед трезвостью мысли Леонтьева. А потому искавшие ему параллели вспомнили о Ницше. Первым выговорил это Соловьев, правда всего лишь мимоходом сказав, что Леонтьев превосходит многие мысли Ницше. Возможно, сравнение прошло бы незамеченным, но был еще из первых и Розанов, мыслитель пронизательный, хотя не всегда точный, но обладавший огромным даром внушения. Так, он назвал «Поэму о великом инквизиторе» (так у Достоевского!) «легендой», и вся русская мысль стала за ним это повторять, словно не читала «Братьев Карамазовых». Он так увидел Леонтьева в контексте европейской мысли:

Когда я в первый раз узнал об имени Ницше из прекраснейшей о нем статьи Преображенского <...> то я удивился: «Да это — Леонтьев, без всякой перемены». Действительно, слитность Леонтьева и Ницше до того поразительна, что это (как случается) — как бы комета, распавшаяся на две, и вот одна ее половина проходит по Германии, а другая — в России. Но как различна судьба в смысле признания. Одним шумит Европа, другой, как бы неморожденный, точно ничего не сказавший даже в своем отечестве⁷³.

⁷² *Кьеркегор Серен*. Болезнь к смерти // *Кьеркегор Серен*. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 254.

⁷³ Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым. С. 327.

Конечно, сравнение — первый путь к пониманию, это один из принципов Николая Кузанского. Важно, однако, *чтобы сравнение не замещало понимания*. Но следом за Соловьевым и Розановым это сравнение пошло кочевать от одного русского мыслителя к другому, тут и Франк, и Булгаков, и Степун⁷⁴. Сегодня это повторяют новые отечественные исследователи. Для Ницше главное — отказ от христианской вертикали: шанса на бессмертие для каждого, ибо это ломает неравенство, на котором стоит человечество. Но именно это неравенство рождает у рабов волю к власти, уничтожая сильных, которых хотел Ницше сделать естественными господами. Леонтьев — другое. Он говорил о неравенстве структур, а не индивидуумов, разница принципиальная. Не считая того, что он принимал христианство в его историческом развитии, в его иерархичности, что доводило Ницше до бешенства. Хотел бы сослаться на точное наблюдение А. Козырева:

У Ницше и Леонтьева можно без труда найти сходные высказывания о пошлости европейской цивилизации, лицемерии, ханжестве традиционной морали. Но пафос разрушения морали, презрения к аскетизму и духовной традиции, ко вся-

⁷⁴ Ср. у Степуна: «Нет слов, в истории русской религиозной мысли встречаются люди очень далекие, а отчасти даже и враждебные идее социального христианства. В качестве примера достаточно назвать Константина Леонтьева. Но я не думаю, чтобы этот блестящий барин и утонченнейший эстет, которого Франк верно назвал русским Ницше и о котором Бердяев, при всей своей любви к нему, жестоко обмолвился предательски-метким словом, что он был убежденным православным, но вряд ли настоящим христианином, был бы особенно типичен для России. Основные черты леонтьевского образа, быть может, легче укладываются в рамки римско-католической, чем русско-православной культуры. Впрочем, все это не играет решающей роли» (*Степун Ф. А. Христианство и политика // Степун Ф. А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Вступ. ст., сост. и коммент. В. К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 523*).

ким сдерживающим дух оковам совершенно чужд Леонтьеву. <...> «Ренессанс» судил Леонтьева. Так, может, отравы ницшеовского имморализма прежде текла в жилах критиков?⁷⁵

Эстетизм Леонтьева был не аморальный и не демонический, а вполне возрожденческий, при этом отнюдь не походивший на декадентские призывы начала XX века к злу и насилию, варварству и скифству:

Леонтьев в самом существенном своем самосознании оказывается гуманистом из гуманистов, когда проклинает новую цивилизацию во имя гуманистического идеала красоты, причем с наибольшей энергией подчеркиваются черты «белокурого зверя», красота силы, страстей, жестокости. *Так* чувствовали жизнь родоначальники Возрождения в эпоху вакхического самоупоения человечностью и *так хотели бы* чувствовать жизнь пришедшие уже к краю, стоявшие над историческим обрывом эпигоны того же гуманизма — Ницше и Леонтьев⁷⁶.

О его возрожденческом пафосе писали практически все, понимая его отталкивание от современной ему русской культуры именно любовью к эпохе Ренессанса. Бердяев это четко сформулировал: «По вкусам своим он был человеком Возрождения, и русская литература казалась ему мрачной и тяжелой, не радующей, не ренессансной. Его огорчает порча стиля в русской литературе. И он с любовью вспоминает старых художников, особенно европейских»⁷⁷. Он не был эпигоном Возрождения, как написал о нем Булгаков. Стоит напомнить остроумную мысль Розанова:

⁷⁵ *Козырев Алексей*. Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн.1. С. 428—429.

⁷⁶ *Булгаков С. Н.* Победитель — Побежденный. С. 87.

⁷⁷ *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев. С. 232—233.

Все Филельфо и Петрарки проваливаются, как поддельные куклы, в попытке подражать грекам, сравнительно с этим калужским помещиком, который и не хотел никому подражать, но был в точности как бы вернувшимся с азиатских берегов Алкивиадом, которого не догнали стрелы врагов, когда он выбежал из зажженного дома возлюбленной⁷⁸.

И здесь надо проговорить и прояснить эстетическую идею Леонтьева, высказанную им с отчаянной смелостью, чем он пугал современников и потомков. Леонтьев, собственно, говорил очень простую вещь, просто высказывал ее резче, чем, скажем, Гегель. Он считал, что высокое искусство вырастает только в ситуации трагедийной. *Искусство существует только тогда, когда ему есть, что преодолеть*. От Гомера и греческих трагедий, от дантовской «Божественной комедии», от «Гамлета» и «Ромео и Джульетты» Шекспира до «Капитанской дочки Пушкина», «Войны и мира» и «Живого трупа» Л. Толстого, романов Достоевского, «Конармии» Бабеля, прозы Генриха Белля и Фолкнера мы видим, что в этих произведениях (даже со счастливым концом) рисуются катастрофы человеческой судьбы. Пришедшее счастье — уже не предмет высокого искусства, на его описание направлены мещанские романы. Даже знаменитые мадонны с младенцем Христом, самые идиллические, изображают нам порой теплоту семейного уюта, но весь этот уют пронизан грядущей трагедией Богочеловека. И было бы ханжеством не увидеть этого. Потому не очень понятна фраза Гайденко: «Эстетизм остается последним словом философии Леонтьева»⁷⁹. Разве? А не христианство?

Леонтьев был эсхатологически настроенный, убежденный и страстный христианин.

⁷⁸ Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым. С. 321.

⁷⁹ Гайденко П. П. Указ. соч. С. 208.

Горести, обиды, буря страстей, преступления, ревность, зависть, угнетения, ошибки, с одной стороны, а с другой — неожиданные утешения, доброта, прощение, отдых сердца, порывы и подвиги самоотвержения, простота и веселость сердца! Вот *жизнь*, вот единственно возможная на этой земле и под этим небом *гармония*. *Гармонический закон вознаграждения — и больше ничего*. Поэтическое, живое согласование светлых цветов с темными — *и больше ничего*. В высшей степени цельная полутрагическая, полуясная опера, в которой грозные и печальные звуки чередуются с нежными и трогательными, — *и больше ничего!*⁸⁰

Христианство, на его взгляд, не давало надежды на счастье в земной жизни, оно лишь готовило человека к горестным земным испытаниям, обещая утешение в том царстве, которое «не от мира сего». Для ортодоксальных и практикующих священнослужителей, вынужденных общаться с реальной паствой, подобная позиция, как казалось, перечеркивала все возможное влияние Церкви на людей. Вот и протоиерей Флоровский полагал: «Христианство для Леонтьева есть только *религия конца*... Пророчество о конце, не тема для жизни, — нет в христианстве “благой вести” об истории и для истории... В истории Леонтьев не видел религиозного смысла, в истории он оставался эстетом и биологом, и тем вполне удовлетворялся... У Леонтьева встречаем неожиданный гипер-эсхатологизм, столь характерный для Реформации <...> Всего дальше он именно от святоотеческой традиции... Для Леонтьева христианство было только якорем *личного спасения*»⁸¹.

К насилию он не призывал, он просто писал о неизбежности насилия в человеческой судьбе, о том, что Хри-

⁸⁰ Гайденко П. П. Указ. соч. С. 21.

⁸¹ Флоровский Георгий. Указ. соч. С. 304.

стос терпел страшные муки, и люди не исключены из этого принципа устройства мира. Более того, здесь стоит привести слова современного польского исследователя, которые по меньшей мере предлагают соразмышление: «В мировоззрении Леонтьева нет никакого культа зла или демонизма; о могуществе зла он пишет не затем, чтобы его прославлять, но чтобы от него предостеречь. Большой опасностью для человека является, по убеждению Леонтьева, недостаток страха, недооценка возможностей темных сил зла, а также — приписываемая в особенности “розовому христианству” — усыпляющая бдительность, а значит, усиливающая безоружность вера в человеческую способность справиться с ними в сфере земной брэнности»⁸².

Если же говорить о его понимании продуктивности темных сторон жизни для искусства, то надо осознавать, что Леонтьев хотел не насилия, он хотел неравенства, видел в этом важнейший момент развития. Но ведь именно разделением труда, разделением на классы, на бедных и богатых стала двигаться человеческая цивилизация, выходя из первобытно-родового безличного хаоса. И Божья красота мира, которую искали античные художники и художники Возрождения (напомню хотя бы скульптурное изображение Лаокоона, хотя еще лучше вспоминать об Эхиле, Софокле, Еврипиде, а затем трагическую Мадонну Рафаэля, «Дон Кихота» Сервантеса, «Жизнь есть сон» Кальдерона и т. д.), выростала из противоречий жизни, из трагедии.

Надо сказать, что именно христианство оказалось той почвой на которой снова смогли родиться великие трагедии — от Шекспира до Достоевского, поскольку христианство сохранило идею свободной, а стало быть, и страдающей личности. Не случайно, начиная с «Книги Иова»,

⁸² *Брода Мариан*. Проблемы с Леонтьевым. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 98–99.

с Голгофы Христа и далее через всю европейскую историю, тема теодицеи так мучила высшие умы европейского человечества. Конечно, толпа, масса не желает вводить печаль в свой грубый душевный мир. Федотов уже в XX веке произнес страшные, но очень верные слова:

Уже много веков как христианский мир, слишком привыкший к символу виселицы и к страшной реальности Голгофы, научился эксплуатировать святую кровь для своего земного комфорта. Люди устраиваются на Голгофе, как они устраиваются на Везувии. Под сенью креста создаются империи, накапливаются богатства, освящается рабство, благословляется ветхозаветная семья и вся почти языческая цивилизация. Многие христиане стали думать, что Христос поднялся на крест, чтобы избавить нас от наших крестов. Нет ничего более противного и духу и слову Евангелия. «Радость», которую обещал Христос своим ученикам, есть «радость-страдание», достижимое лишь для тех, кто идет Его путем. Об этом могут забывать массы (особенно привилегированные и счастливые), но никогда не забывали духовно-чуткие⁸³.

Среди этих духовно чутких, быть может, одним из наиболее чутких был Константин Леонтьев. Поэтому он не был воспринят своими современниками, верившими в благополучие и прогресс.

Век мечтал об одном.
Получилось как видно другое.
Но, не глядя на то,
утопая в уютном житье
Девятнадцатый век
одного только хочет — покоя.
.....

⁸³ Федотов Г. П. Христианская трагедия // Федотов Г. П. Собр. соч. в 12 тт. Т. 9. Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004. С. 326–327.

Словно это не в жизни,
а так,
в идиллической пьесе
Все дороги — аллеи,
иных не бывает путей...
И рождается сказка
о добром
приличном Прогрессе, —
О присяжном слуге
и заботливом друге людей.
(Наум Коржавин. «Конец века». 1961)

Только в контексте ужаса XX века становится понятным, что так называемый эстетизм Леонтьева был рожден на самом деле трагическим восприятием жизни.

Государственный деспотизм и роль пророка

Каким-то образом из поклонения Леонтьева красоте, из его ощущения красоты как результата трагедий бытия⁸⁴, выводили не только его демонизм, эстетизм⁸⁵, но и склонность к насилию, к деспотизму внешнему и внутреннему. Яснее многих высказался Семен Франк: «Это

⁸⁴ Хотя уже Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал, что красота — «страшная сила, здесь Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

⁸⁵ Ср. у С. Н. Булгакова: «Эстетизм остается до конца жизни неизменной стихией его духа. Однако что же означает *такой* эстетизм? На что он опирается? Каково религиозное значение этой эстетики, которая в известном смысле поставляется *выше* религии или же, по меньшей мере, остается с нею не координированной и себе довлеющей? Надо сказать прямо: такой эстетизм есть тончайшее и предельное выражение безбожного гуманизма, того люциферического мятежа человека, который имеет начало с Возрождения» (*Булгаков С. Н. Победитель — Победенный*. С. 87).

демоническое ощущение красоты и насилия в конечном счете определило все мирозерцание Леонтьева. Оно привело его к фанатической проповеди двух основных типов насилия — внешнего и внутреннего, государственного деспотизма и религиозно-аскетического самоистязания. Особенно интересно, как этот мотив доводит эстета Леонтьева до религиозного изуверства»⁸⁶. Ответить на этот пассаж необходимо, ибо Франк в концентрированном виде представил практически все упреки Леонтьеву, делавшиеся на протяжении века.

Если говорить об идее деспотизма, то она у Леонтьева бесспорно присутствовала. Но важен контекст. Деспотизм для него — это то, что принадлежит любому явлению жизни, то, что спасает от энтропии смерти, организуя мир:

Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбежаться. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет.

Шарообразная или эллиптическая форма, которую принимает жидкость при некоторых условиях, есть форма, есть деспотизм внутренней идеи.

Кристаллизация есть деспотизм внутренней идеи. Одно вещество должно, при известных условиях, оставаясь само собою, кристаллизоваться призмами, другое октаэдрами и т. п.

Иначе они не смеют, иначе они гибнут, разлагаются.

Растительная и животная морфология есть также не что иное, как наука о том, как оливка *не смеет* стать дубом, как дуб *не смеет* стать пальмой и т. д.; им с зерна *предоставлено* иметь такие, а не другие листья, такие, а не другие цветы и плоды⁸⁷.

⁸⁶ Франк С. Л. Мирозерцание Константина Леонтьева // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 403.

⁸⁷ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. С. 383.

Как видим, для Леонтьева — это не насилие над волей, а внутреннее состояние воли, энтропия, если воспользоваться более поздним термином, то есть организованность, противостоящая энтропии, распаду. Структура общества тоже подвержена распаду, когда структуру общества подменяет толпа, масса.

Соловьев написал, что Леонтьев ненавидел массы: «Он даже слишком много настаивал на своем враждебном отношении к толпе, на своей ненависти к демократизму, или, как он выражался, к *хамству*. Но действовать на толпу можно или угождая ей, или забывая про нее, а никак не питая к ней ненависти»⁸⁸. А массы в результате, чтобы удержаться, рожают истинный деспотизм, где жизнь человека теряет ценность, лишь бы сохранилась толпа. Возникают большевизм, нацизм, фашизм. Россия слаба без византийской организующей идеи, «калужское тесто», по определению Кавелина. Тесто, из которого можно лепить что угодно. Византизм слабеет, а стало быть, Россия на грани катастрофы. Не случайно предсказывал Леонтьев, что Россия из своих недр должна родить антихриста: русский мыслитель угадал восстание масс как предпосылку слома христианства, а значит, и устранения механизма, гуманизовавшего человечество. Христос пришел ко всем, но повел за собой лишь избранных. Но на историческую арену выходят массы. И потому, как полагал он, «замедление всеобщего предсмертного анархического и безбожного уравнения <...> необходимо для *задержания* прихода антихриста»⁸⁹. Кто же может задержать антихриста? Он внимательно прислушивался к проповеди Соловьева об объединении папства и русского самодержавия, готов был поддержать даже католицизм, папу, но много больше он надеялся на государство.

⁸⁸ Соловьев В. С. Памяти К. Н. Леонтьева. С. 402.

⁸⁹ Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина. С. 459.

При этом в нынешнем, современном ему самодержавии никакого деспотизма он в государстве не видел:

Государство держится не *одной свободой* и не *одними стеснениями и строгостью*, а неуловимой пока еще для социальной науки *гармонией* между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой — той *реальной свободой лица*, которая возможна даже и в Китае при существовании *пытки*... «Не делай того, что запрещено, если боишься пытки... А если не боишься — как знаешь». Этот выбор возможен был во все времена, и *люди действительно выбирали*... Если можно жить и действовать при подобных условиях, то как же было бы не жить и не действовать спокойно при *учреждениях новых* и столь мягких?.. Однако мы видим, что *нигде* люди на этих мягких учреждениях *остановиться* не могут, и все *цивилизованное* человечество теперь несметной толпой стремится в какую-то темную бездну будущего... бездну незримую еще, но близость которой уже на всех мало-помалу начинает наводить отчаяние и ужас!..⁹⁰

Не очень-то веря в жесткость современного царизма, Леонтьев провидел в России наступление железных и жестоких времен:

Социально-политические опыты ближайшего грядущего (*которые, по всем вероятиям, неотвратимы*) будут, конечно, первым и важнейшим камнем преткновения для человеческого ума на ложном пути искания общего блага и гармонии. Социализм (то есть глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратим, по крайней мере, *для некоторой части человечества* <...>

⁹⁰ Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К. Н. Указ. изд. Т. 7. Кн. вторая. С. 132.

Законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительное, даже *страшнее*⁹¹.

Трагизм человеческого бытия предполагает, писал не раз Леонтьев, как необходимую компоненту и исторический катастрофизм:

Помните и то, что всему бывает конец; даже скалы гранитные выветриваются, подмываются; даже исполинские тела небесные гибнут... Если же человечество есть явление живое и органическое, то тем более ему должен настать *когда-нибудь конец*. А если будет *конец*, то какая нужда нам так заботиться о благе будущих, далеких, вовсе даже *непомянутых* нам поколений? *Как мы можем мечтать о благе правнуков, когда мы самое ближайшее к нам поколение — сынов и дочерей — вразумить и успокоить действиями разума не можем?* Как можем мы надеяться на *всеобщую нравственную или практическую правду*, когда самая *теоретическая истина, или разгадка* земной жизни, до сих пор скрыта для нас за непроницаемую завесой; когда и великие умы и целые нации постоянно ошибаются, разочаровываются и идут совсем не к тем целям, которых они искали? Победители впадают почти всегда в те самые ошибки, которые сгубили побежденных ими, и т. д.... *Ничего нет верного в реальном мире явлений*⁹².

Процесс распада можно задержать, но не гуманными мерами, а силой государства. Демократия, либерализм, по Леонтьеву, это силы, выводящие на арену истории безрелигиозные массы, которые послужат благодатной почвой для грядущего антихриста. Но и в этом случае, как видим, позиция христианского стоицизма — единственное, что остается человеку.

⁹¹ Леонтьев К. Н. О всемирной любви... С. 18.

⁹² Там же. С. 17—18.

Для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста (т. е. того могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское, противоцерковное движение) *необходима сильная Царская власть*⁹³.

Какова же в этой борьбе роль Церкви? Для Леонтьева — это убежище человека, скрывающегося от бессмыслицы жизни, в церковь можно и нужно идти, когда хочешь внешним принуждением заставить себя быть аскетом. Когда пойти больше некуда. Какова должна быть христианская политика? Леонтьев был вполне прав, что Царство Божие на земле немислимо (хотя многие вполне достойные мыслители мечтали о его построении), он упрекал Достоевского и Л. Толстого в «розовом» христианстве, в том, что они желают строить рай в земной юдоли. Поэтому всякие попытки земного устройства жизни бессмысленны. В Евангелии, однако, говорится, что простое приятие бытия, без попыток устройства жизни неправильно, что «вера без дел мертва». Возражал Леонтьеву и высоко ценимый им Соловьев, замечая, что безусловной границы между «здесь» и «там» в Церкви не полагается. И самая земля, по Священному Писанию и по учению Церкви, есть термин изменяющийся. Более того, Соловьев тоже прекрасно понимал, что рай на земле немислим, однако мыслим ад, которому христианин должен противостоять:

Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он *до времени* не превратился в ад⁹⁴.

⁹³ Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина. С. 453—454.

⁹⁴ Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Указ. изд. С. 413.

Вероятно, тут прозвучал отголосок старого спора между социальным бездействием православия и ориентированной на дело первоначальной евангельской церковью. Уже в Евангелии от Матфея звучали слова Христа: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11,12). А апостол Иаков в первый период строения Церкви писал: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: “идите с миром, грейтесь и питайтесь”, но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: “ты имеешь веру, а я имею дела”: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (Иак. 2, 14—20).

Леонтьев же, говоря об эсхатологической сути христианства, рассуждает следующим образом:

Первый пример мой будет из книги Блаженного Августина «О граде Божием» (*De civitate Dei*). Готы взяли Рим, разграбили его и произвели в нем множество всякого рода злодейств и насилий. Блаженный Августин в своей книге утешает пострадавших христиан и возражает по этому поводу язычникам (их было еще в его время много). Учитель Церкви находит, что все эти страдания и оскорбления были христианам нравственно *полезны* <...> Итак, с христианской точки зрения можно сказать, что *воцарение на земле постоянного мира, благоденствия, согласия, общей обеспеченности* и т. д., то есть именно того, чем задался так неудачно демократический прогресс, было бы *величайшим бедствием в христианском смысле...* С христианством можно мирить философскую идею сложного *развития* для *неизвестных* дальнейших целей (может быть, и для всеобщего *разрушения*), но эвдемонический (благоденственный) прогресс, ищущий счастья в

равенстве и свободе, — совершенно непримирим с основной идеей христианства... *Этого рода* прогресс и *настоящее* христианство могут только кое-как *жить* рядом, но слиться в принципах никогда не могут⁹⁵.

Вопрос, однако, в XX веке встал острее, чем прежде, даже в эпохи переселения народов и нашествия гуннов и готов, он состоял в том, что человечество и впрямь спустилось в такие низины, даже в бездны ада, откуда уже и неба не было видно, и оттуда надо было выкарабкаться своими силами. Встал вопрос о возможности христианства «после Освенцима». И Степун решительно писал:

Для каждого христианина, работающего под горой, мысль, что на горе за его дело молятся те, чьи молитвы по своей силе, ему не данной, способны сдвигать горы, может быть только утешительной. А потому и желание подойти под благословение Церкви должно быть для него живую потребностью <...> Каждое время ставит Церкви новые задачи, игнорировать которые она не может. Сейчас перед христианской совестью остро стоят социальный и политический вопросы. Спор между Леонтьевым и Соловьевым должен быть потому решен в пользу последнего⁹⁶.

Впрочем, спор этот теоретико-метафизически разрешить невозможно. Степун, видимо, прав в том, что каждый поворот истории предполагает выбор в пользу той или иной позиции. Но правоты в основе своего взгляда на мир у Леонтьева было не меньше, он выстрадал ее и человечески, и поэтически. В своем любовном и мечтательном

⁹⁵ *Леонтьев К. Н.* Как надо понимать сближение с народом? // *Леонтьев К. Н.* Указ. изд. Т. 7. Кн. вторая. С. 167–169.

⁹⁶ *Степун Ф. А.* «Новоградские размышления» по поводу книги В. С. Варшавского // *Степун Ф. А.* Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2009. С. 707.

романе «Египетский голубь» (1881) он вдруг высказывает свое личное кредо, которое по сути дела определяло и его философскую позицию:

Когда я вспоминаю эти дни бесплодного и нестерпимого томления, я рад иногда, что я уже не молод и что теперь мои мучения совсем иного рода. Они гораздо слабее уже потому, что я давно привык страдать, и потому, что скорбь считаю теперь настоящим назначением человека на земле.

Отсюда недалек и шаг к пониманию трагизма исторического бытия.

Стоит отметить, что леонтьевский эсхатологизм, его судорожное ожидание прихода антихриста по своему сказалось в последних предсмертных текстах Соловьева, что заметил один из теснейших друзей Леонтьева⁹⁷, реально видевший его последние дни, писавший, что последнюю неделю жизни он страстно искал встречи с Соловьевым для спора с ним. Но, как заметил Фудель, хорошо, что спора не произошло, что смерть не дала ему порвать «*личные*» отношения со своим другом, и их душевное общение в этом мире не порвалось и не омрачилось ни жестким словом, ни гневным укором или неосновательным обвинением <...> Если бы он прожил еще хотя бы 8 лет <...> с каким бы восторгом воскликнул “Осанна” своему старому другу, когда появились его “Три разговора” и “Повесть об Антихристе”»⁹⁸.

По мысли Струве (1932 года), Константин Леонтьев вычеканил вызывающую формулу, что Россию надо подморозить, которая вдруг осуществилась, но не так, как ду-

⁹⁷ «В общей сумме воздействующих влияний на крушение веры Соловьева в земной прогресс свою долю имел и Леонтьев» (Фудель И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. С. 405).

⁹⁸ Там же. С. 400, 404.

мал мыслитель! Большевики сначала растопили и расплавили Россию своей революцией. А затем они принялись подмораживать и затормаживать Россию безбожным и бездушным холодом «советского коммунизма». Но, как мы знаем, именно это Леонтьев предвидел, именно это предсказывал и мечтал лишь о задержке этого процесса растопления и расплавления.

Там, где Леонтьев думал о бедах, он многое угадал. Там, где он предлагал рецепты спасения, получился конфуз. На Леонтьеве сработал все тот же закон, что предсказывать будущее, строить будущее по своему лекалу невозможно. Непременно получится что-либо иное. И гораздо страшнее. Впрочем, он и об этом предупреждал. Трагизм бытия проявляется не только в личной жизни, но и в судьбе цивилизаций.

Леонтьев был непопулярен по очень простой причине: *про страшное страшно читать*. Как я уже говорил, человеку хочется душевного спокойствия. Леонтьева понимали в меру своего непонимания бытия, — так, Георгий Иванов определил позицию Леонтьева как «страх перед жизнью». Но страха перед жизнью не было, был страх перед судьбой.

Зато после его смерти идеи Леонтьева все же словно прорвались к жизни, предчувствия его реализовались в тоталитарных структурах XX века: «Хозяева жизни — Сталин, Муссолини, Гитлер. Объединяет этих хозяев, при некотором разнообразии форм, в которых ведут они свое “хозяйство”, — совершенно одинаковое мироощущение: презрение к человеку»⁹⁹. И вдруг далее Г. Иванов проводит прямую совершенно немислимую, не отвечающую истине линию от Леонтьева к тоталитарным вождям: «И вот такое же точно презрение к человеку — стра-

⁹⁹ *Иванов Георгий*. Страх перед жизнью // К. Н. Леонтьев: *pro et contra*. Антология. Кн. 2. С. 191.

стное, органическое, неодолимое, “чисто современное” презрение — было в крови у родившегося в 1831 году и умершего в 1891 году калужского помещика и консула в Адрианополе»¹⁰⁰.

Наследие Леонтьева, как видим, обросло мифами (о его империализме, эстетизме, демонизме, патриотизме), которые не исчезли с течением временем, но тиражируются современными исследователями. Подобного рода мифы о Леонтьеве понятны, они позволяют не обращать внимания на главное в его мировоззрении. Бытие трагично, и именно на этом строится христианство, на этом строилась проповедь Христа, который утешал людей воздаянием в загробной жизни, ничего не обещая в земной юдоли. Леонтьев лично прошел опыт Иова, поэтому и в христианстве он увидел главное: трагизм земного бытия. Такого Леонтьева никто не хотел, да и сейчас не хочет.

¹⁰⁰ *Иванов Георгий*. Указ. соч. С. 191.